

**РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА.
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

УДК 930.2 ББК 63.2 DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.013

В. Г. Вовина-Лебедева
Санкт-Петербургский Институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия.
Varvara_Vovina@mail.ru

СТО ЛЕТ ПОСЛЕ ШАХМАТОВА
(О книге В. Ю. Аристова «Алексей Шахматов и раннее летописание»)

Почтим же мы любовью нежной
до нас свершивших оный путь...

П. А. Вяземский

В статье предпринят критический разбор книги В. Ю. Аристова «Алексей Шахматов и раннее летописание» (Киев, 2018). Показано, что выводы об особенностях А. А. Шахматова-ученого строятся на материале работ только по раннему летописанию; источниковая база работы недостаточна, а критика использованных источников отсутствует; автор нацелен исключительно на поиск слабых мест в работах А. А. Шахматова; не учитывается лингвистическая школа ученого; А. А. Шахматов бездоказательно обвиняется в присвоении идей предшественников; все последующие специалисты по летописанию обвиняются в создании «культы Шахматова»; в книге присутствуют недопустимые с этической точки зрения высказывания в адрес самого А. А. Шахматова и его продолжателей.

Ключевые слова: А. А. Шахматов, В. Ю. Аристов, историография летописания, СПбФ АРАН, Повесть временных лет, Нестор

Вышедшая недавно книга В. Ю. Аристова «Алексей Шахматов и раннее летописание», как следует уже из названия, призвана совместить два историографических подхода, принятых в работах по историографии: исследовать творчество ученого и проанализировать труды по определенной научной теме [Аристов]. Книга вышла в 2018 г. в Киеве в издательстве Laugus. Она состоит из трех глав и четырех приложений. В гл. 1 автор исследует историографический контекст работ А. А. Шахматова. Гл. 2 посвящена разбору, как пишет автор, «ключевых идей» А. А. Шахматова, среди которых наибольшее внимание уделено древнейшим сводам, редакциям Повести временных лет (далее – ПВЛ), соотношению ее с новгородским летописанием, вопросу о Несторе-летописце. В последней главе В. Ю. Аристов анализирует шахматовскую традицию в историографии древнейшего летописания. В приложениях воспроизведено несколько черновых набросков, извлеченных автором книги из фонда А. А. Шахматова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее – СПбФ АРАН), дана схема, показывающая, как взгляды А. А. Шахматова отразились в последующих трудах по летописанию, а также

таблица, озаглавленная «Основные гипотезы по истории раннего летописания по взглядам А. А. Шахматова».

Академик А. А. Шахматов был лингвистом и исследователем русского летописания, перечень литературы о нем занял бы не одну страницу. Он не являлся историком, но, обратившись еще в юности к летописям, решил распутать сложный клубок их переплетавшихся текстов. В наиболее известных работах А. А. Шахматов применил метод последовательного сравнения сохранившихся летописей и выявления системы их общих гипотетических протографов. Многие планы не были выполнены из-за ранней смерти ученого (А. А. Шахматов умер в 1920 г. в Петрограде), ряд гипотез он только наметил и не успел тщательно аргументировать. Тем не менее, в некоторых случаях более обоснованно, в других приблизительно, он нашел место всем летописным текстам, известным в его время, в отношении друг друга. Именно по этой причине последующие специалисты по летописанию обычно начинали с рассмотрения точки зрения А. А. Шахматова и, оценив его аргументы, или соглашались с ним, или же предлагали уточнения, а зачастую шахматовские построения отвергались, и определенные звенья схемы оказывались удаленными, причем речь идет о таких звеньях, которые А. А. Шахматовым оценивались как важные. Так был удален Владимирский Полихрон, так по сути никто, кроме М. Д. Приселкова, не принимал его Древнейший киевский и Древнейший новгородский своды и т. д. Наиболее известные споры, ведущиеся уже много лет и еще не оконченные: относительно существования и природы так называемого Новгородско-Софийского свода и связанных с ним летописей, Начального свода (далее – Нсв) и третьей редакции ПВЛ. Разумеется, речь идет о спорах между специалистами по летописанию [Вовина-Лебедева, 2019]¹. Неоднократно предпринимались и критические выступления против работ А. А. Шахматова в целом, как при его жизни, так и после смерти, например, М. Н. Тихомировым, книга которого осталась неопубликованной, и его учеником А. Г. Кузьминым [Вовина-Лебедева, 2011, с. 853–864]. С другой стороны, из-за сложности работы с летописанием часто возникал соблазн пользоваться выводами, сделанными А. А. Шахматовым и другими исследователями, не входя в тонкости их анализа. Но текстология не всегда может дать однозначные ответы, пригодные для исторических построений. К тому же А. А. Шахматов часто менял гипотезы, предлагая новые, оставляя в стороне старые, не всегда давая объяснения, его мысль постоянно работала, и он не задумывался о том, как потомки будут разбираться в его трудах.

В. Ю. Аристов – ученик А. П. Толочко, который критически высказывался о А. А. Шахматове и его последователях [Толочко]. По поводу книги ученика уже было отмечено, что в ней возрождены основные моменты критики в адрес А. А. Шахматова, сформулированные еще в начале XX в. [Конявская, с. 27–28]. Я постараюсь предпринять более подробный разбор этой монографии. Страницы, посвященные историографической ситуации в некоторых странах Европы, как эпохи А. А. Шахматова, так и предшествующего времени, могли бы быть полезны специалистам, в особенности те, где речь идет о родстве подходов к гипотезам и реконструкциям утраченных текстов у А. А. Шахматова и некоторых его современников, например у Фридриха Курце и Войчеха Кентшиньского (С. 108–113)². В. Ю. Аристов также сделал много наблюдений над трудами предшественников А. А. Шахматова. Им удачно подмечены некоторые черты А. А. Шахматова-исследователя. В целом, В. Ю. Аристов продемонстрировал большие способности в области историографии и истории науки. Многие выводы книги согласуются с тем, что уже было отмечено в литературе, в частности то, что А. А. Шахматов часто не учитывал работ предшественников, на что ему указывали некоторые современники, например В. М. Истрин [Вовина-Лебедева, 2011, с. 279–282].

¹ В указанной статье отчасти приведена последняя литература, в том числе работы Т. Л. Вилкул, А. А. Гишпиуса и др.

² Здесь и далее в круглых скобках указываются страницы книги В. Ю. Аристова.

Известно также, что А. А. Шахматов был склонен трактовать противоречия летописного текста всегда как следы вставок, дающие возможность расслаивать текст [Вовина-Лебедева, 2016]. Таким образом, В. Ю. Аристов, хотя не первым обнаружил некоторые особенности научного творчества А. А. Шахматова, собрал дополнительный материал. Он относит А. А. Шахматова не к логическому, рациональному течению в историографии, которое называет «скептическим», а к тому, которое склонно к построению гипотез и предположений в дополнение к «твердым данным». Тут с ним во многом также можно согласиться, хотя некоторые гипотезы А. А. Шахматова потом подтвердились, известен хрестоматийный пример с Московским сводом конца XV в., существование которого он сначала предположил, анализируя ряд более поздних летописей, а потом обнаружился его отдельный список.

Отметим предпринятое В. Ю. Аристовым сравнение подходов, которыми руководствовался А. А. Шахматов на протяжении длительного времени, в частности в «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» и в позднейшем издании ПВЛ, как и страницы, где рассмотрены зарождение и эволюция концепции Нестора как автора ПВЛ, а также гипотезы о Нсв, лежавшем в основе ПВЛ и Новгородской I летописи Младшей редакции (далее – Н1 (у Аристова – НПЛма)). Большой материал В. Ю. Аристов собрал об отношении к авторству Нестора предшественников А. А. Шахматова, хотя странно, что он не разбирает в этой связи позицию С. А. Бугославского, ведь последний, несмотря на то, что принадлежал к кругу почитателей последнего и публиковался в его журнале, как раз считал, что Нестор не мог написать ПВЛ [Бугославский]. Наконец, представляет интерес предложенная Аристовым новая периодизация творчества А. А. Шахматова, переломным моментом которого он считает конец 1890-х гг., правда, следует учитывать, что 1890-е гг. – это самое начало серьезных занятий А. А. Шахматова летописями.

Но, к сожалению, приходится признать, что талант автора книги был направлен на ложную цель. В. Ю. Аристов потратил основные силы на поиск слабых мест в работах А. А. Шахматова, не показывая никаких его достижений. Это нельзя назвать незаинтересованным поиском истины. Я сгруппировала соображения по этому поводу в несколько пунктов и, излагая их, постараюсь показать особенности книги В. Ю. Аристова.

1) Первое возражение связано с самой темой: А. А. Шахматов и раннее летописание. Поскольку А. А. Шахматов занимался не только древнейшими летописями, некорректно вырывать один аспект его научного творчества, отделять от остальных и при этом делать выводы о А. А. Шахматове как исследователе в целом. Задача на привлеченном материале невыполнима, так как неверно поставлена. Многие уже писали о том, что именно на материале более позднем (XIV–XV вв.), где сохранилось значительное число текстов для сравнения, выводы А. А. Шахматова обладают наибольшей устойчивостью. Лучшее об этом написал Я. С. Лурье [Лурье], посвятивший шахматовскому методу и общим принципам источниковедения серию статей [Вовина-Лебедева, Панях], на которые В. Ю. Аристов не ссылается (за одним исключением), и мы к этому еще вернемся. Можно согласиться с В. Ю. Аристовым в том, что А. А. Шахматов считал для самого себя важным исследовать именно древнейшее летописание [Вовина-Лебедева, 2011, с. 195–196]. Но исследователи творчества ученого должны исходить из других соображений. Тезис о том, что древнейшее летописание «было и остается» «наиболее привлекательным для ученых», поскольку в нем находится «искушающая загадка» и «идол начала» (С. 9), конечно, не довод с научной точки зрения.

На этом можно было бы закончить критику книги, поскольку сказанное подрывает остальные выводы ее автора. Но, следуя задаче дать более подробный разбор, насколько позволяют рамки статьи, перейдем к другим пунктам возражений.

2) В. Ю. Аристов претендует на то, что опирается на неизвестные ранее неопубликованные источники. Но выводы делаются на основании лишь поверхностного знакомства с огромным фондом А. А. Шахматова в СПбФ АРАН. Так, найдя по описи перечень книг библиотеки А. А. Шахматова 1889 г., В. Ю. Аристов уже делает вывод: «Этот перечень дает минимальный “список подозреваемых” – книг и статей, которые могли повлиять на Шахматова» (С. 154). Можно перечислить, чем еще пользовался В. Ю. Аристов, хотя список источников в книге не дан. В качестве приложений опубликованы три дела из фонда А. А. Шахматова (С. 297–303): два наброска плана «Разысканий» (1903 г. и б/д) и очень краткий план исследования ПВА (1907 г.): СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 327, 322, 148. На эти дела В. Ю. Аристов часто ссылается в тексте книги, но никакой источниковедческой работы с ними не проводит, в частности не учитывает черновой характер этих документов. Кроме них, он эпизодически ссылается на рукопись детской работы А. А. Шахматова «Русская старина» (д. 402 и 403), на д. 140 (черновик гл. 6 «Разысканий»), д. 407/5 (список книг из библиотеки А. А. Шахматова), д. 133 и 142 (пробные лекции 1890 г.), д. 296 (названо В. Ю. Аристовым «Рукописью конца 1896 г.», ссылка дается на один лист с оборотом), д. 145 («Заготовки неопубликованной работы 1900-х годов», ссылка на два листа), д. 149 (текст доклада от 31 января 1897 г.), д. 296 (неопубликованная статья 1896 г. о киево-печерской летописи), д. 365 (работа А. А. Шахматова по ПВА с его пометками на полях, ссылка лишь на одну пометку), д. 322 (глухая ссылка на один лист), д. 145 (неопубликованная работа 1900-х гг. о Начальном своде, ссылка на один лист), д. 336 (В. Ю. Аристов обозначал его как «формулу Лаврентьевского списка», то есть черновые наброски), д. 146 (рукописные схемы истории текста разных летописных памятников).

Во всех перечисленных случаях, кроме детской работы А. А. Шахматова, это краткие наброски (обычно один-два листа), в основном ранние, с отсутствием развернутой аргументации. Мы не знаем, как к этим планам относился сам А. А. Шахматов. При этом не учтены действительно важные и обширные по объему неопубликованные источники, в частности полный текст рукописи, частично опубликованной и известной под заглавием «Обозрение русских летописных сводов». Поэтому трудно согласиться с А. П. Толочко, отзыв которого помещен на обороте книги, в том, что что книга В. Ю. Аристова – это «тщательно документированная» работа.

3) Разоблачительный посыл, заданный с самого начала книги, которую можно было бы назвать «Как и почему во всем не прав Шахматов», ослепляет автора. Именно по этой причине многие случаи критики В. Ю. Аристовым А. А. Шахматова не достигают цели: автор просто не отделяет значительное и незначительное при сравнении творчества А. А. Шахматова и других исследователей и собирает без разбора все примеры, которые, как ему кажется, могут показать первого не с лучшей стороны. Поэтому наряду с более обоснованными выводами у него присутствуют высказывания о том, что нечто имело место «по-видимому» или «могло» иметь место, что-то «можно подозревать», «можно предположить» и проч. Кроме того, обнаружение уязвимых мест у наших предшественников само по себе не может быть основанием для оценки их как ученых. В этом отношении запал В. Ю. Аристова также потрачен впустую. Как уже говорилось, многие гипотезы А. А. Шахматова поставлены под сомнение в ходе прошедшего столетия. Но поскольку наука – коллективное дело, ее продвигает не один человек, а множество людей, то значительность того или иного из них определяется не отсутствием у него ошибок, а степенью влияния на дальнейшее развитие той отрасли науки, в которой он работал.

В. Ю. Аристов, провозгласив свой подход новым, на самом деле, по русской пословице, «ломится в открытую дверь». Очевидно, что в работах А. А. Шахматова (как и практически любого исследователя) можно найти много слабых мест, они давно известны, их гораздо больше,

чем думает В. Ю. Аристов и чем он показал в своей книге. При свойственном автору подходе даже удивительно, что некоторые наиболее, на мой взгляд, слабые гипотезы А. А. Шахматова он не разбирает и даже не упоминает, например гипотезу о Мстише-Люте, уже неоднократно бывшую предметом критики [Соловьев; Поппэ; Вовина-Лебедева, 2011, с. 191–194].

4) Представляется важным, что основные особенности А. А. Шахматова как ученого идут от школы Ф. Ф. Фортунатова и что без учета лингвистической выучки трудно понять особенности его трудов по русскому летописанию [Вовина-Лебедева, 2006; Вовина-Лебедева, 2011, с. 181–205]. В. Ю. Аристов мои доводы не рассмотрел, а лишь мимоходом отверг эту точку зрения³. Ему было важно предложить собственную теорию, состоящую в том, что А. А. Шахматов находился целиком под влиянием написанных до него работ по истории русского летописания и своих предшественников-текстологов, в том числе пришедшей в Россию из Европы немецкой «практики расчленения текстов» (С. 53), которая, как В. Ю. Аристов многократно подчеркивает, во времена А. А. Шахматова была уже «устаревшей». В книге вообще встречаются понятия «архаичные», «устаревшие» научные построения, как будто автор не понимает, что в науке современное не всегда значит верное и оставленная на время в стороне гипотеза или научный подход могут быть в любой момент востребованы, если появляются новые аргументы.

В. Ю. Аристов сравнивает творчество А. А. Шахматова с некоторыми европейскими современниками и предшественниками, но не может привести данных, которые бы показывали, знал их А. А. Шахматов или же нет⁴, ему не удастся свести концы с концами, и все ограничивается многочисленными упреками в адрес А. А. Шахматова по совершенно разным поводам⁵. Автор также не может оценить, в чем именно заключалось отличие А. А. Шахматова от его русских предшественников, считая, что нужно смотреть на новаторство «идей» или методов. Между тем главное отличие заключалось в огромности материала, проработанного А. А. Шахматовым, тогда как его предшественники в основном брались за локальные сюжеты. Стремление же построить целостную схему, при этом вовлечь с нее по возможности весь сохранившийся материал идет именно от школы Ф. Ф. Фортунатова, являлось ее характерной чертой.

Отсутствие глубокого знания русского историографического материала и игнорирование научных школ приводит В. Ю. Аристову и к поверхностному представлению обо всей науке, как времени А. А. Шахматова, так и его предшественников. Хотя он замечает, что «в российской науке более “продвинутой” критика текста... применялась в исследованиях нелетописных...», которые А. А. Шахматов, конечно, знал и «охотно и уверенно их рецензировал» (С. 78), тем не менее, по В. Ю. Аристову, русскую науку времен А. А. Шахматова отличала «интеллектуальная изолированность и общая методическая слабость», которые приводили «к тому, что в летописеведении XIX – начала XX вв. доминировало субъективистское направление», ориентированное «на поиск “общих источников”, “утраченных произведений” и реконструкцию недошедших памятников» (С. 290). При этом, желая поместить труды А. А. Шахматова в историографический контекст, В. Ю. Аристов с порога отвергает значительную часть его,

³ При этом, сознательно или нет, но странным образом В. Ю. Аристов сводит понятие школы к тому, с кем А. А. Шахматов был знаком, встречался и проч.

⁴ Видимо, именно это породило множество невнятных фраз, например: «чрезвычайная скрупулезность исследований Шахматова имела прямые аналогии в синхронных работах его польских и немецких коллег», и совсем уже непонятные, вроде следующей: «утверждению образа мышления, предполагавшего оперирование воображаемыми текстами, по-видимому, способствовали технический прогресс и улучшение условий работы ученых» (С. 45).

⁵ Так, В. А. Аристов признает, что «явных признаков знакомства Шахматова со стемматическим методом не заметно» (С. 72–73), после чего становится непонятным, какой цели служило изложение хорошо известных особенностей теории К. Лахмана (С. 69–78), разве для того, чтобы заключить, что «строгости и методической дисциплины Шахматову не хватало» (С. 77).

заявив без всякого обоснования, что «сравнение летописеведческой практики критики текста... с исследованиями библейских и классических текстов представляется не вполне корректным» (С. 34), не объясняя, в чем состоит эта некорректность. Вместо этого он пишет, что будет обращаться «преимущественно к опыту немецких и польских исследователей», никак не обосновывая такой выбор. Читателю остается предполагать, что он возник в результате стажировок автора в Германии и Польше (С. 14, 12). Сравнивая «российское источниковедение» и «польское источниковедение» XIX в. (С. 144–145), В. Ю. Аристов отмечает глубокий упадок первого (при этом ссылается на работу Н. И. Полетаева 1892 г.). По мнению В. Ю. Аристова, зависимость от западного «интеллектуального импорта», который во второй половине столетия стал «редким явлением», привела в России «к самоизоляции дисциплины» и «замыканию на себе». Между тем «польское источниковедение», наоборот, «развивалось преимущественно в рамках австрийских и немецких (пруссских) учреждений, благодаря чему польские исследователи получали непосредственно немецкую “выучку”». Тут хочется задать вопрос, что вообще вкладывается в понятие «польская наука»⁶, «немецкая наука», «российская наука» (С. 47 и др.) и может ли вообще наука ранжироваться по географическому и этническому признакам либо по признаку подданства. Обширная переписка А. А. Шахматова, хранящаяся в его фонде в СПбФ АРАН, показывает, что и он сам, и его учитель Ф. Ф. Фортунатов были абсолютно свободны от этих ограничений, могли читать любую литературу и вели переписку с учеными разных стран.

5) Значительная часть книги посвящена показу того, как на А. А. Шахматова повлияли десятки прочитанных когда-то работ, на которые он не ссылался. В. Ю. Аристов предполагает, что А. А. Шахматов списывал с других буквально все, что видел. Правда, в ряде случаев он признает, что это не было «злым умыслом» и даже цитирует по М. А. Робинсону (С. 254) одно из писем А. А. Шахматова, которое я считаю очень важным для понимания личности последнего: там он признавался, что ему «скучно справляться» относительно того, что ранее писал он сам и другие и что он излагает «обыкновенно только свои последние мнения». В. Ю. Аристов оставляет это место без комментария, хотя оно подрывает также его концепцию, будто А. А. Шахматов сознательно замалчивал те или иные обстоятельства, чтобы сохранить свои прежние предположения, или что он для сохранения одного звена своей концепции конструировал (или, наоборот, ликвидировал) другие.

Нельзя сказать, что В. Ю. Аристов не знает того, как А. А. Шахматов был самокритичен и готов к опровержению своих гипотез. Хорошо известно, что он неоднократно менял их под воздействием убеждавших его аргументов коллег, например уже упомянутого С. А. Бугославского. В книге цитируются знаменитые слова А. А. Шахматова по поводу субъективности многих его доводов, которые должны еще подвергнуться «всесторонней оценке... другими исследователями» (С. 107, см. также цитату на с. 97). Тем не менее, поскольку В. Ю. Аристов задался целью скомпрометировать А. А. Шахматова как ученого, он старательно ищет у него выводы и наблюдения (как крупные, так и мелкие), сходные с теми, что в разное время высказывали его предшественники. Так, по В. Ю. Аристову, идею многослойности текста ПВЛ впервые высказал еще М. П. Погодин (С. 37); польский текстолог Тадеуш Войчеховский путем снятия текстуальных слоев пытался добыть текст гипотетического «Древнего Рочника», и В. Ю. Аристову «легко заметить, что аналогичный подход применял Шахматов, пробиваясь к искомому “Древнейшему своду”» (С. 44); А. А. Шахматов в представлениях о Несторе и его летописи во многом «вышел из» Н. И. Костомарова, И. И. Срезневского, К. Н. Бестужева-Рюмина и А. Рассудова, «непосредственно воспроизводил и развивал идеи этих ученых»

⁶ Кстати, напомним, что большая часть бывшей Речи Посполитой в рассматриваемое время находилась в составе Российской империи.

(С. 173); А. А. Шахматов читал книгу Н. Н. Яниша о новгородских летописях, и «... становится понятной легкость, с которой он определял вставки в ПВЛ, сравнивая ее с НПЛмл...» (С. 80); А. А. Шахматов «был хорошо знаком с книгой И. П. Сенигова о новгородских летописях, где применялся сравнительный метод вполне “шахматовского” типа», так что А. А. Шахматов «не был пионером “сравнительно-исторического” метода...» (С. 100); «Бестужев-Рюмин был одним из вдохновителей Шахматова, и не удивительно, что их труды имели сходную форму» (С. 101); в вопросе о политической ангажированности летописца А. А. Шахматов, по В. Ю. Аристову, также не был первым (тут он соглашается с А. Г. Кузьминым); вскользь упоминаются «идеи-“реликты”, заимствованные у предшественников» (С. 135); упоминается «А. Рассудов, статья которого ощутимо повлияла на построения Шахматова», «о рассказе Василия как отрывке первой части галицко-волынской летописи писал еще Соловьев» (С. 135. Примеч. 499); «идея о первичности НПЛмл по отношению к ПВЛ не была гениальным озарением и “естественным впечатлением” Шахматова» (С. 168); на А. А. Шахматова «повлияла... книга Филевича», в которой он нашел «идею» Начального свода (С. 184); «Шахматов, не ссылаясь на коллегу, повторил аргументы Соболевского» (С. 187–188)»; деление летописания на официальное и частное «отвечало старой беляевской схеме», и далее упоминается «транслированная через Шахматова гипотеза Беляева» о разных видах летописей (С. 129); «Костомаровская “Повесть”, сложенная из отдельных сказаний, и аналогичные построения других ученых стали прообразами Дрсв (Древнейшего свода. – В. В.-Л.)», а само название А. А. Шахматов заимствовал у И. П. Филевича, у которого есть фраза, что «древнейший свод начинался сводом преданий...», в которой В. Ю. Аристов видит «словесную близость», к тому же А. А. Шахматов, как обнаружил В. Ю. Аристов, один раз ссылался на И. П. Филевича (С. 207–208); по поводу «Сказания о преложении книг» В. Ю. Аристов вопрошает: «Что же открыл Шахматов? – nihil novi; вино старых идей было влито в мехи новой схемы летописания, не более» (С. 210); «мысль о болгарской летописи как источнике ПВЛ развивали Погодин... Соловьев, Срезневский» (С. 218). В итоге, по мнению В. Ю. Аристова, «несмотря на определенную новизну выводов, Шахматов не вышел из круга представлений о работе летописцев, которые предлагались предшествующей историографией» (С. 130), а «мастерство “осваивать” чужие идеи было одним из факторов невнимания к предшествующей историографии» (С. 255).

Оставим пока в стороне неэтичность употребленных формулировок, особенно последней из них. Даже беглый взгляд на приведенный выше список якобы заимствований А. А. Шахматова показывает, что у него и у перечисленных ученых речь идет о совершенно разных явлениях. И тем более это подтверждается при обращении к указанным трудам. В. Ю. Аристов постоянно пишет об «идеях» или «идее», которые были высказаны разными авторами до А. А. Шахматова и повлияли на него. Но что такое идея применительно к работам по истории текстов? Чаще всего в тех случаях, которые продемонстрировал В. Ю. Аристов, у предшественников имелось лишь короткое упоминание того, что у А. А. Шахматова стало гипотезой, снабженной аргументацией. В. Ю. Аристов как будто не понимает этого, когда, например, пишет, что «отличие проекта Шахматова (от К. Н. Бестужева-Рюмина. – В. В.-Л.) заключалось не в масштабе, а в задачах» (С. 102). Но именно масштаб сопоставления текстов летописей у А. А. Шахматова был несравнимо большим, чем у его предшественников, однако это действительно сложнее увидеть в полной мере, если брать только работы по раннему летописанию и искусственно отрывать их от остальных трудов ученого.

Даже если какие-то выводы А. А. Шахматова и совпадали с теми, что уже высказывались в историографии, он обычно приходил к ним своим путем. В. Ю. Аристов так и не смог показать, что А. А. Шахматов действительно осознанно заимствовал чужие мнения. Так, он пишет о сходстве работ А. А. Шахматова и А. Е. Преснякова (см. с. 68–69, 127, 164–165 и др.)

и настаивает на вторичности А. А. Шахматова⁷. Но Е. Л. Конявская уже показала, что те места, которые В. Ю. Аристов полагает совпадениями в работах А. А. Шахматова и А. Е. Преснякова, на самом деле таковыми не являются [Конявская]. Кроме того, сам А. Е. Пресняков никогда не считал, что А. А. Шахматов хотя бы в чем-то зависел от него. Их переписка сохранилась. Она свидетельствует о том, что А. Е. Пресняков с самого их знакомства видел в А. А. Шахматове своего учителя в отношении летописей⁸. Довод В. Ю. Аристова, что все последователи А. А. Шахматова, в том числе А. Е. Пресняков, были по какой-то причине околдованы его трудами, поэтому их мнение не нужно принимать в расчет, тут не работает: ведь В. Ю. Аристов согласен, что А. Е. Пресняков не брал концепцию сводов у А. А. Шахматова, а пришел к ней сам.

А. А. Шахматов мог знать или не знать работы, на которые указывает автор книги, но очевидно, что он находился в определенной степени вне той ученой традиции, к которой принадлежали упомянутые предшественники, отсюда и отсутствие тщательности в ссылаках на них. Он не прошел университетскую выучку как историк летописания, и В. Ю. Аристов преувеличивает влияние на него историков и филологов, которые окружали его в Петербурге, в частности М. И. Сухомлинова, К. Н. Бестужева-Рюмина и др. «Именно в такой интеллектуальной среде происходило становление Шахматова-летописевода», – считает В. Ю. Аристов (С. 132–133). Но переписка А. А. Шахматова определенно показывает, что его интеллектуальная среда была иной. А. А. Шахматов не любил Петербурга, долгое время тяготился своим окружением во Втором отделении, особенно в первые годы. Его настоящей семьей на всю жизнь остались лингвисты-фортунатовцы, ученики и коллеги Ф. Ф. Фортунатова, Ф. Е. Корша и некоторых других московских филологов. О школе Ф. Ф. Фортунатова существует обширная литература, см., например, работы О. В. Никитина [Никитин, 2004; Никитин, 2014; Никитин, 2015; Никитин, 2018]. Именно несовпадение А. А. Шахматова с главенствующими тогда в историографии взглядами на летописание вызвало острую критику его работ со стороны современников при жизни ученого.

Между прочим, сам В. Ю. Аристов, столь придирчивый в этом отношении к А. А. Шахматову, объявив в предисловии мою книгу ценным «фактографическим подспорьем» для себя, без ссылок извлекает из нее многочисленные сюжеты. Так, я уже до В. Ю. Аристова писала о сходстве в названиях работ и употреблении понятия «энциклопедия» А. А. Шахматовым и А. Е. Пресняковым; анализировала отзывы А. А. Шахматова и А. Е. Преснякова о сочинениях И. А. Тихомирова; по поводу анонимного текста по историографии летописания 1916 г. В. Ю. Аристов хотя и сообщает (С. 18), что я ввела его в научный оборот, но не ссылается на проделанный мною анализ, когда в другой части книги предпринимает собственный разбор; пишет о тех же текстологах, о которых писала и я (о Фр. Вольфе и его работе, посвященной «Илиаде», об анализе им внутренних противоречий в тексте поэмы), о том, что Гомер после этого переставал восприниматься единым автором и это опосредованно повлияло на исследования летописей (С. 50), о К. Лахмане в связи с летописанием (С. 69–78); переходя к русским критикам А. А. Шахматова, В. Ю. Аристов дает обзор мнения о его работах всех тех авторов, о которых я писала в книге и в отдельной статье: Д. И. Абрамовича, В. З. Завитневича, М. С. Грушевского, С. А. Бугославского, А. И. Соболевского, В. М. Истрина, Н. К. Никольского,

⁷ На с. 68 со ссылкой на С. В. Чиркова и меня он пишет: «идею о том, что источниками сводов были другие своды и их изучение должно заключаться в сравнительном анализе списков, Шахматов мог позаимствовать у Преснякова», а на с. 164–165 рассуждает о том, что «точно неизвестно, приходили ли близкие знакомые и коллеги к подобным идеям независимо, или один заимствовал мысли другого на стадии их зарождения...». Оставив в стороне последнюю формулировку, заметим, что мнение предшественников здесь искажено: С. В. Чирков писал (и я с ним согласилась), что А. Е. Пресняков независимо от А. А. Шахматова пришел к идее сводов, а не о заимствовании одним идей другого.

⁸ В настоящее время переписка А. А. Шахматова с А. Е. Пресняковым подготовлена мною к публикации во втором томе «Избранной переписки А. А. Шахматова».

А. Брюкнера, а также упомянутого выше Анонима (от себя В. Ю. Аристов добавил к ним только Е. В. Петухова (автора книги «Русская литература», вышедшей из печати в 1911 г. в Юрьеве) и М. Кордубу); я также анализировала особенности реконструкций А. А. Шахматова, сравнивала реконструкции его и М. Д. Приселкова (С. 87–94); разбирала полемику вокруг написанного С. А. Бугославским в молодости пособия по критике текста (С. 143); обращала внимание на отличие подхода В. Н. Перетца и ученых его школы к летописанию от шахматовского; В. Ю. Аристов упоминает о «состязании» за верность школе А. А. Шахматова между М. Д. Приселковым и В. А. Пархоменко (С. 278), но этот сюжет мною был также уже подробно разобран [Вовина-Лебедева, 2011, с. 236, 234–235, 25–32, 299, 136–141, 267–299, 200–202, 334–335, 380–383, 393–396, 405–406, 408–410, 306–313]. Во многих случаях нет ссылок и на других авторов. Так, В. Ю. Аристов повторяет мысли А. Г. Кузьмина, задолго до него утверждавшего, что А. А. Шахматов зависел от предшественников, а также о неправильности, с его точки зрения, разделять историографию летописания на дошахматовский и последующий периоды [Кузьмин, 1968; Кузьмин, 1977, с. 63–64, 109, 183–219]. В том, что между А. А. Шахматовым и историографией XIX в. существовала преемственность, были убеждены еще П. И. Яковлев, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин и др. [Вовина-Лебедева, 2011, с. 818–820 и др.]. По поводу того, что у А. А. Шахматова летописец напоминает современного исследователя, писал еще И. П. Еремин, как и об уязвимости критерия политической ангажированности летописца [Вовина-Лебедева, 2011, с. 386–389], но на И. П. Еремина в книге имеется лишь одна глухая ссылка. Наконец, С. В. Чирков уже давно исследовал работы о русском летописании из фонда А. Е. Преснякова в Архиве СПбИИ РАН, к которым выборочно обратился, без ссылок на него, В. Ю. Аристов [Чирков, 1970; Чирков 1971; Вовина-Лебедева, 2011, с. 33–35]. С. В. Чирков опубликовал труд А. Е. Преснякова по историографии летописания (по рукописи ИРИ РАН) [Пресняков], но это издание В. Ю. Аристов не использует. Список можно продолжить.

б) В. Ю. Аристов полагает, что восстанавливает ход мысли А. А. Шахматова и понимает побудительные мотивы последнего. Но психологический портрет А. А. Шахматова вышел слабым и неубедительным. Так, автор познакомился в СПбФ АРАН с детской работой А. А. Шахматова «Русская старина» и пришел к выводу, что она оказала важнейшее влияние на его дальнейшие научные построения, ведь «первые впечатления становятся аксиоматическими положениями, в которых ученому потом бывает трудно усомниться» (С. 169–170). Позднее «детские интересы перерастали в профессиональные» (С. 171). Прочитанная в детстве одна из работ А. Л. Шлёцера также продолжала влиять на взрослого А. А. Шахматова и «могла сформировать образ новгородских памятников как вместилищ древних киевских документов» (С. 167–168). По В. Ю. Аристову, А. А. Шахматов с детства питал особенные чувства к Нестору и позднее подстраивал всю историю летописания под возможность сохранить его автором ПВЛ (С. 175–179). По этой же причине А. А. Шахматов «не был заинтересован в реконструкции Несторовой летописи или редакции ПВЛ», поскольку «первая серьезная попытка ее осуществить показала бы безосновательность гипотезы». Придя к предположению о существовании Нсв, А. А. Шахматов «старался приспособить старую идею ЛН (Летописца Нестора. – В. В.-Л.) к своей новой схеме истории раннего летописания», но «новая схема чуть не свела на нет все предыдущие усилия Шахматова», и в результате «впоследствии Шахматов поправил схему: в статье 1908 г. он сделал Нестора автором уже единой Печерской летописи...», что уже «выглядело атавизмом в свете концепции сводов» (С. 177–178).

Эта концепция о влиянии детских представлений на формирование научных концепций взрослого ученого надуманна, построена на ничем не подкрепленных предположениях, к тому же опровергается всем, что мы знаем об исследовательских приемах А. А. Шахматова, в частности о его готовности отказываться от своих старых гипотез, что он делал многократно.

Примечательно другое: В. Ю. Аристов критикует способы, какими А. А. Шахматов пришел, например, к гипотезе о древнейших сводах, принципиально «не вдаваясь в пересказ аргументации Шахматова» (С. 199)⁹. По мнению В. Ю. Аристова, достаточно просто скомпрометировать «логику исследования», предположив в ней подтасовки: «... основания для установления рубежа после статьи 1074 года Шахматов пытался аккуратно обойти» (С. 200); «предположив существование Начального, Древнейшего и, наконец, свода 1073 года, ученый фактически клонировал ПВЛ», при этом «создал очень детальный “фоторобот” автора» (С. 203); «под гипотезу об отраженной в НПЛмл летописи 1074 года Шахматов подобрал автора...» (С. 203); «развивая гипотезу “Десятичных анналов”, Шахматов вдруг “вспомнил” о своей схеме ранних сводов... и совершил акт “автоцензуры”» (С. 220); «развитие идеи анналов угрожало подорвать всю теорию сводов... Шахматов вовремя почувствовал опасность и на это не пошел» (С. 221); «идея контаминации заметно усложнила схему», и, «вероятно, она возникла, чтобы обеспечить “безболезненное” удвоение редакций ПВЛ...» (С. 231); «Шахматов мог намеренно “подогнать” публикацию ПВЛ к 1916 году», когда исполнялось 800 лет приписке игумена Сильвестра (С. 281) и т. п.¹⁰ Автору книги даже кажется, что он лучше самого А. А. Шахматова знает, как тому нужно было писать, и мы встречаем фразы вроде следующей: «В свете шахматовской “теории сводов” следовало бы скорее говорить (А. А. Шахматову. – В. В.-А.) о трех разных сводах, т. е. разных памятниках», чем о редакциях ПВЛ (С. 225).

В итоге В. Ю. Аристов полагает, что он показал нам «настоящего Шахматова», который был «гораздо богаче своего историографического двойника» (С. 233). Трудно, правда, понять, в чем состоит богатство этого образа, учитывая приведенные выше мнения автора о принципах работы А. А. Шахматова. «Я буду рад, – пишет В. Ю. Аристов, – если Шахматов в изучении летописания предстанет тем, кем он был на самом деле» (С. 291). Чтобы увидеть этого истинного А. А. Шахматова, которого автор книги (как он, видимо, считает) узнал лучше современников, друзей и коллег, по В. Ю. Аристову, требуется понять «четкую картину изменений взглядов ученого» (С. 234). Хотя под взглядами А. А. Шахматова В. Ю. Аристов понимает собственные представления о том, чем руководствовался А. А. Шахматов в том или ином случае, тем не менее, как видно из заключения книги (названного «Эпилогом») и других ее мест, автор вполне удовлетворен своей работой. Он полагает, в частности, что ему «удалось составить нечто вроде “генетического досье”» пятнадцати ключевых гипотез Шахматова по истории раннего летописания. Созданный «каталог идей» дал возможность проследить изменения взглядов А. А. Шахматова (речь идет о приложении 4). В. Ю. Аристов выделяет этапы творчества А. А. Шахматова, обращая внимание на первоначальный вид гипотез, их эволюцию, «пережитки старой концепции» и т. д. При этом «для большей наглядности и более легкой проверяемости выводов» он ограничился прижизненными публикациями, а «также некоторыми», изданными позднее. В сноске мельком отмечено, что он не учитывал материалы, опубликованные в «Обзрении русских летописных сводов», поскольку раннему летописанию там уделено мало внимания и также потому, что они «не имеют точной датировки: в едином

⁹ Само слово «пересказ» аргументов, употребляемое в книге не единожды, имеет оттенок пренебрежительности.

¹⁰ В. Ю. Аристов не показывает ни одного удачного научного построения А. А. Шахматова, избегает всего, что могло бы ослабить создаваемый им образ неадекватного ученого. Так, на с. 205, 210, 213 и др. среди гипотез А. А. Шахматова о древнейших сводах В. Ю. Аристов упоминает «Иоакимовскую летопись» имевшую, по его словам, «не лучшую славу», и читатель думает, что речь идет об Иоакимовской летописи, известной по «Предъизвещению» В. Н. Татищева к «Истории Российской», что неверно: А. А. Шахматов в какой-то момент просто предположил, что Иоаким мог быть основателем владычного летописания в Новгороде. Более того, А. А. Шахматов сделал большой вклад в критическое исследование редакций труда В. Н. Татищева, о чем В. Ю. Аристов также не сообщает.

тексте спрессованы разновременные слои» (С. 235). При чтении этих строк вспоминается высказывание Я. С. Лурье об исследователях, привыкших работать только с простыми и легко читаемыми текстами. В. Ю. Аристов даже не упоминает оставшуюся неопубликованной часть «Обозрения», посвященную разбору вариантов ПВЛ, то есть памятника «раннего летописания», сохранившегося, напомним, в более поздних списках.

7) Поражает нескрываемая озлобленность автора книги, редко встречаемая в научных исследованиях. Создается впечатление, что В. Ю. Аристов не может совладать с раздражением и постоянно использует в отношении А. А. Шахматова оскорбительные формулировки. Так, «метод Шахматова» (всегда в кавычках) именуется «вывеской». Гипотезы А. А. Шахматова излагаются в издевательском тоне, пишется о том, что «проекты Шахматова по “восстановлению” несохранившихся источников... создали специфический “имидж” самому ученому и летописеведению в принципе» (С. 94). Можно привести другие примеры: «Создается впечатление, что Шахматов сильно колебался в выборе родины русской историографии» (С. 215); «Если “для себя” эзотерического знания о Несторе Шахматову было достаточно, то академическое сообщество требовало большего»; «Шахматов не мог полагаться исключительно на неуловимое монастырское предание. Нужны были факты, и исследователь их создавал» (С. 174) и т. п. Нельзя пройти и мимо следующего отрывка: «Представление об утраченном памятнике исследователь получал путем интуитивной комбинации избранных фрагментов двух реальных произведений... Внешне прием напоминает одно из проявлений шизофренического синдрома, о котором массовая публика узнала благодаря популярному фильму о гениальном математике Джоне Нэше. Совмещая разрозненные фрагменты доступных текстов по излишне формальным признакам, человек получает некий “скрытый” текст. Но... никаких “скрытых” текстов в реальности не существует. Они – только плод прихотливых “игр разума”» (С. 179). Очевидно, что при таком настрое трудно ожидать от автора книги объективности.

8) Еще более раскрепощенный тон используется в отношении коллег, которых В. Ю. Аристов причисляет к последователям А. А. Шахматова. Он, например, полагает (не приводя аргументов), что для них А. А. Шахматов являлся пророком: «Пророк изрекает истину. Правда, его высказывания часто противоречивы, а иногда могут показаться вообще ошибочными или устаревшими. Но тогда их переведут в разряд притч, не нуждающихся в буквальном прочтении» (С. 265). Вообще, рассуждения о посмертном культе и даже «канонизации» А. А. Шахматова пронизывают всю книгу. «Исследования Шахматова, – пишет автор, – должно быть, содержали приманку, которая подталкивала, особенно молодых, только формирующихся ученых, следовать его взглядам» (С. 260).

Перечень этих слабых умом последователей А. А. Шахматова (к которым он причисляет и тех, у кого «нередко зависимость от Шахматова прямо не признается, но от этого не исчезает» (С. 14–15)) В. Ю. Аристов не приводит, ограничиваясь отдельными примерами, зато на с. 16 нарисован обобщенный портрет А. А. Шахматова, каким он, по В. Ю. Аристову, представляется его поклонникам: «Если суммировать и несколько утрировать для выразительности образ Шахматова, получится следующее. Перед нами легендарный основатель научной дисциплины, ученый-самородок, владеющий универсальным “методом”, творец масштабной “схемы” и образец для подражания, символ и авторитет. Его надлежит защищать от фундаментальной критики, а “отход” от его воззрений может вызвать осуждение коллег». Автор использует, к сожалению, известный прием: придумать ограниченного и непрофессионального оппонента, чтобы потом выгодно полемизировать с ним. Где, например, те аристовские исследователи летописания, которые требовали обязательно определять автора летописи (С. 204)? Различные предположения по поводу авторов, конечно, высказывались и продолжали высказываться,

однако никакого «канона», вопреки В. Ю. Аристову, тут не существует. Напрасно для подтверждения этой и других своих мыслей он ссылается на меня (см., например, с. 261), поскольку на указанных страницах моей книги шла речь о конкретном тексте – сохранившемся в рукописи курсе лекций Л. В. Черепнина по истории летописания, читанном в 1950-х гг. Если же мы обратимся к крупнейшим текстологам, таким как М. Д. Приселков, А. Н. Насонов, Я. С. Лурье (даже если не упоминать ныне здравствующих), то они всегда тщательно разбирали аргументы А. А. Шахматова. И к ним, несомненно, неприменима такая оценка, как на с. 262: «в работах Шахматова было так много сложно переплетенных догадок, фактов и наблюдений, что легче было принять основные положения на веру, нежели разбираться во всех тонкостях его аргументов». Эти слова могут быть отнесены только к потребителям текстологических гипотез. В. Ю. Аристов или в действительности не различает их и тех, кто занимался текстологией летописания, или производит это смешение сознательно.

Поскольку В. Ю. Аристов не допускает мысли, что ученые в здравом уме могли соглашаться с А. А. Шахматовым, он ищет другие объяснения главенству (по его словам) шахматовского направления¹¹. По мнению В. Ю. Аристова («можно подозревать, что...»), высказанному с короткой реверансной ссылкой на одну из социологических теорий, «идеи Шахматова не имели бы такого успеха, если бы он высказал их в середине XIX века» (С. 250). А в XX в. А. А. Шахматов превратился «в удобный образ для легитимизации собственных тем и концепций исследователей» (С. 20).

Далее, автор почему-то считает естественным, что «после смерти Шахматова... стали больше писать о его методологическом и концептуальном новаторстве» (С. 243). Всех, кто почитает А. А. Шахматова, В. Ю. Аристов сравнивает с «религиозным сообществом» (С. 265), для которого «святость доказывается и реализуется не только в прижизненных, но и в посмертных чудесах». Под последними В. Ю. Аристов подразумевает издание «Обозрения русских летописных сводов» А. А. Шахматова в 1938 г., в результате чего «его деяния продолжались и после смерти» (С. 269). Автор придает значение тому, что эта смерть совпала с революцией и «крахом российской дореволюционной науки» (С. 20). После этого, согласно схеме В. Ю. Аристова, советские ученые старательно вписывали А. А. Шахматова в рамки советской науки. Так, Д. С. Лихачев, «несмотря на прекрасное знание трудов Шахматова», оценивал его, по мнению В. Ю. Аристова, «довольно тенденциозно, сделав из него ключевую фигуру в двухсотлетней истории дисциплины» (С. 22). В чем заключается тенденциозность оценки Д. С. Лихачева, В. Ю. Аристов не раскрывает, но позволяет себе следующее высказывание: «За таким прочтением Шахматова крылась стратегия Лихачева по укреплению собственного авторитета в опоре на великого предшественника» (С. 274). Видимо, В. Ю. Аристов решил, что знает побудительные мотивы действий не только А. А. Шахматова, но и Д. С. Лихачева.

Особо отметим места, где речь идет о том, что большую роль в «канонизации идей» А. А. Шахматова сыграли его личные черты. На с. 257 В. Ю. Аристов пишет: «Своими человеческими качествами Шахматов приобрел немалый символический капитал». Цитируя по моей книге письмо отца Е. Ю. Перфецкого, сельского священника, который в преувеличенных и восторженных выражениях благодарил А. А. Шахматова за помощь сыну, В. Ю. Аристов выдает это за отношение «многих», то есть, видимо, научного сообщества (С. 266). Благожелательность А. А. Шахматова и готовность его помогать коллегам вызывали чувства признательности «и даже привязанности», – пишет В. Ю. Аристов и при этом задается

¹¹ При этом, характеризуя основные черты данного направления, автор ориентируется на ситуацию не вполне современную. Так, много раз как отличительную черту шахматовской школы он отмечает представление об истории летописания как о последовательности гипотетических сводов (С. 13 и др.), хотя это уже давно не так.

вопросом: «Трудно сказать, была ли в этом доля осознанной стратегии Шахматова, но его “благочестивое” поведение конвертировалось в посмертное почитание» (С. 266–267).

Еще одной причиной создания «преувеличенно положительного образа Шахматова», по В. Ю. Аристову, послужила «ранняя смерть ученого», которая, как он полагает, была воспринята как конец «старой доброй» дореволюционной науки, последовавший за ней известный выпуск ИОРЯС, т. 25, «стал своего рода некрологом» этой науке. Далее автор совершенно свободно пишет следующее: «Добрую славу о себе часто удается оставить тем, кто вовремя уходит: из большого спорта, политики, жизни... Шахматову в этом смысле повезло: он умер раньше многих своих коллег и оппонентов» (С. 258).

Широкими мазками рисуется картина того, как центром «культа Шахматова» стал Петроград/Ленинград, где учились А. Н. Насонов и Д. С. Лихачев, которые затем «заняли ведущие позиции в академических структурах». В. Ю. Аристов не смущает, что упомянутые им авторы, а также М. Д. Приселков пострадали по Академическому делу, после чего не скоро могли занять «ведущие позиции». Кроме того, он как будто забывает, что, например, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто и др., чье отношение к А. А. Шахматову трудно назвать апологетичным [Вовина-Лебедева, 2011, с. 805–824], были после войны не менее влиятельны в академических кругах. Автор с легкостью пишет даже о «“сталинской редакции” культа Шахматова» (С. 273, 289), которая в 1950-е гг. «оказалась под угрозой» вместе с «легитимностью дореволюционной науки», но, «впрочем, идеологическая кампания закончилась вскоре после смерти И. В. Сталина и на внутреннюю дисциплинарную жизнь летописцев существенного влияния не оказала» (С. 273).

Верный общему принципу, В. Ю. Аристов нигде не разбирает аргументы тех, кто придерживается другой точки зрения и кто вообще писал о советской науке означенного времени. Он лишь упоминает статью А. Н. Насонова 1959 г., которая «отражает манеру других аналогичных работ» (С. 274), в книге есть также ссылки на Д. С. Лихачева, Л. В. Черепнина и С. Н. Кистерова. Но в целом, противники В. Ю. Аристова – некий обобщенный образ людей, повторяющих шахматовские выводы. В качестве примера приводится А. А. Гишпиус, у которого В. Ю. Аристов находит «буквальное совпадение» («типичное клише») с А. Н. Насоновым во фразе, что вывод А. А. Шахматова о соотношении ПВЛ и Н1 «остается непоколебленным» (С. 275. Примеч. 1046). Этот персонифицированный шахматовец, по В. Ю. Аристову, весьма коварен и может даже полемизировать с А. А. Шахматовым, но «в результате он придет к схеме, отличающейся от шахматовской в деталях, но повторяющей ее общую структуру» (С. 275).

Обращает на себя внимание полное игнорирование работ Я. С. Лурье. В. Ю. Аристов лишь на с. 277 дает ссылку на одну из его статей с ремаркой, что «наиболее яркие попытки систематизации “метода” и “схемы” Шахматова можно найти в работах Лихачева и Я. С. Лурье». Мне представляется это глубоко не случайным. Я. С. Лурье был строгим логиком, ученым рационалистического направления, его аргументация и выводы были в высшей степени обоснованны, и спорить с ним оказалось бы весьма затруднительно, поскольку он всегда разбирал аргументы противников и тщательно их взвешивал¹².

В целом же, весь посыл книги о якобы религиозном почитании А. А. Шахматова последующими учеными совершенно несостоятелен. В данной статье нет места писать об этом подробно, но не только прошлая, но и современная ситуация с работами по летописанию не такова, как ее рисует В. Ю. Аристов. То, как сейчас исследователи смотрят на древнейшее

¹² В. Ю. Аристов мог бы ответить, что Я. С. Лурье не занимался древнейшим летописанием, но в указанных статьях Я. С. Лурье рассматривал все творчество А. А. Шахматова, сильные и слабые звенья его схемы летописания. Я. С. Лурье является в этом смысле прямым предшественником В. Ю. Аристова, и то, что последний обходит его доводы, представляется большим изъяном книги.

летописание, очень далеко от построений А. А. Шахматова. Фактически от них сохранились лишь самые общие представления о постепенном разрастании исходного текста-ядра, а также некоторые конкретные аргументы и наблюдения, касающиеся истории летописания и соотношения дошедших до нас летописей. Разумеется, некоторые из этих аргументов очень важны. И безусловно, А. А. Шахматов дал своим творчеством громадный толчок развитию науки о летописях. Но ни о каком «религиозном сообществе», объединенном его личностью, говорить, конечно, не приходится.

9) Возникает недоумение: для чего предпринята столь яростная и грубая атака на ученого, умершего сто лет назад? Но по мере чтения появляется понимание. Через всю книгу проходит мысль о неважности любых научных аргументов, приводимых А. А. Шахматовым. Так, на с. 167 автор пишет: «В литературе, как правило, пересказывают аргументы Шахматова в пользу первичности НПЛмл, не уделяя должного внимания истории их возникновения». Автора возмущает мысль, высказанная М. Д. Приселковым еще в 1914 г., о том, что несогласие с выводами А. А. Шахматова налагает обязанность обосновать его и доказать свое понимание истории летописания. Это, видимо, и есть главная цель книги В. Ю. Аристов – убедить, что никакие аргументы А. А. Шахматова (и его продолжателей) не нужно рассматривать, поскольку они появились неправильным, с точки зрения автора, путем. Между тем автор так и не показал, в чем заключается порочность этого пути, кроме того, что сравнительный метод был «архаичным» и совпадал с некоторыми западными подходами и что некоторые взгляды А. А. Шахматова высказал не первым. В книге лишь встречаются наивные комментарии, вроде того, что «выявление общих фрагментов при сравнении летописей может объясняться общим источником, а может и тем, что один текст прямо зависел от другого» (С. 31–32) или что «модель, предполагающая наличие у дошедших до нас текстов общего источника, не представляется единственно возможной» и «заключает в себе риск, потому что конструирует новую сущность» (С. 32).

В. Ю. Аристов ссылается на А. П. Толочко и его слова о том, что скептикам, «не убежденным в том, что само ядро шахматовских теорий справедливо», всегда предлагают сначала «последовательно опровергнуть» его построения», то есть «принять рамки установленного дискурса», занять позицию, «проигрышную» и «эпистемологически ущербную». Эта жалоба понятна: ведь опровергать аргументы неизмеримо сложнее, чем упражняться в остроумии в отношении памяти давно умершего ученого. Однако существуют достойные и недостойные приемы борьбы. Можно, конечно, объявить все, что написано А. А. Шахматовым, М. Д. Приселковым, А. Н. Насоновым, Я. С. Лурье, А. А. Гиппиусом и многими другими, следствием культа А. А. Шахматова, после чего считать, что к их трудам можно не обращаться. Однако как раз таким образом и будет организована научная секта. Невозможно критиковать приемы исследования в отрыве от их результатов, то есть от содержания научных гипотез. И даже показ того, что некий метод с какой-то точки зрения уязвим или некие научные построения не оригинальны и повторяют то, что уже высказывалось ранее, не ведет само по себе к опровержению конкретных выводов.

В. Ю. Аристов лукавит, замечая, что для него «не имеет значения достоверность тех или иных шахматовских построений», так как сам признается, что принадлежит к скептикам, ставящим под сомнение шахматовские схемы летописания. Автор стремится «очертить собственную научную позицию (идентичность) и “расчистить путь” для новых исследовательских проектов» (С. 23). Видимо, он думает, что своей книгой помогает оспорить первичность Н1 по сравнению с ПВЛ или же опровергнуть теорию о третьей редакции ПВЛ. Однако противники указанных гипотез А. А. Шахматова, например Т. Л. Вилкул, как раз разбирают его аргументы, выдвигая взамен свои. Они не боятся оказаться «эпистемологически

ущербными». Аргументы бывают сильными или же слабыми, с ними соглашаются или же нет, могут появляться новые доводы в пользу той или иной точки зрения, и так бесконечно. Это и есть научная полемика – спор аргументов!

В заключение вернусь к тому, с чего начала. Автор, несомненно, имеет способности к занятиям историей науки. Однако в книге более всего поражают тенденциозность (и, как следствие ее, поверхностность), недопустимый тон и отсутствие вкуса, и все это сводит на нет достоинства работы. В научном смысле мы все стоим на плечах предшественников, соглашаясь с ними или же нет. Не следует пользоваться своим преимуществом живых, лучше проявить уважение к тем, кто возразить нам уже не может. А. А. Шахматов – одна из наиболее крупных фигур в историко-филологической науке конца XIX – начала XX в., и фигура эта сложная, к его трудам относиться можно по-разному. Он занимался исследованиями, вопреки В. Ю. Аристову, в момент подъема и расцвета научной жизни, когда работали такие выдающиеся филологи и историки в области русских древностей, как В. О. Ключевский, Ф. Ф. Фортунатов, А. Н. Веселовский, Л. В. Щерба, Ф. Е. Корш, С. Ф. Платонов, Н. П. Кондаков, А. С. Лаппо-Данилевский, А. И. Соболевский, В. М. Истрин, В. Н. Перетц, А. Е. Пресняков, Н. К. Никольский и многие другие. Эти ученые представляли разные школы, предлагали различные пути проникновения в прошлое, часто не соглашались друг с другом, и мы, в свою очередь, не обязаны с ними соглашаться во всем, но это многообразие и является для нас ценнейшим даром. Их наследие заключено не только в научных трудах, но также в богатой переписке, мемуарах, воспоминаниях о них коллег и учеников. Все это помогает раскрыть для нас культуру и жизнь, прошумевшую сто лет назад, впитать ее в себя, обратившись к ней бережно, с уважением и любовью.

Литература

- Аристов В. Ю. Алексей Шахматов и раннее летописание. Киев, 2018. 314, [1] с.
- Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС. Пг., 1914. Т. 19. Кн. 1. С. 131–186; Кн. 3. С. 153–191.
- Вовина-Лебедева В. Г. А. А. Шахматов-текстолог и «русские младограмматики» // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 76–89.
- Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. 926, [1] с.
- Вовина-Лебедева В. Г. К. Лахман и А. А. Шахматов // Canadian-American Slavic Studies. 2016. Vol. 50. P. 25–40.
- Вовина-Лебедева В. Г. Угасший мир древнерусских летописей: взгляд сегодня // Российская история. 2019. № 4. С. 3–27. DOI 0.31857/S086956870005846-1
- Вовина-Лебедева В. Г., Панях В. М. Яков Соломонович Лурье – источниковед // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Т. 26. С. 345–354.
- Конявская Е. А. Летопись и свод: проблемы терминологии // Российская история. 2019. № 4. С. 27–33. DOI 10.31857/S086956870005869-6
- Кузьмин А. Г. Хронология Начальной летописи // Вестник Московского университета. Сер. 9. История. 1968. № 6. С. 40–53.
- Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. 406 с.
- Лурье Я. С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. 1975 г. М., 1976. С. 97–107.
- Никитин О. В. Из истории Московской лингвистической школы: новые материалы и републикации // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004. С. 308–309.

- Никитин О. В. «Филология – это наша жизнь» (малоизвестные факты из биографии А. А. Шахматова) // Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика А. А. Шахматова. СПб., 2014. С. 196–197.
- Никитин О. В. Шахматов и его «Введение в курс истории русского языка» // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. С. 367–374.
- Никитин О. В. Об историческом значении московской лингвистической школы академика Ф. Ф. Fortunatova и его предшественников // Fortunatovskie chteniya v Karelii. Сборник докладов международной научной конференции 10–12 сентября 2018 г. Петрозаводск, 2018. С. 9–11.
- Поппэ А. В. Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. 1972. М., 1974. С. 64–91.
- Пресняков А. Е. Русское летописание. Историография и история. М., 2017. 271 с., [1] л. портр.
- Соловьев А. В. Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда? // Записки Русского научного института в Белграде. 1941. Вып. 16–17. С. 37–64.
- Толочко А. П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015. 336 с.
- Чирков С. В. Работа А. Е. Преснякова по историографии русского летописания // АЕ за 1968 г. М., 1970. С. 416–432.
- Чирков С. В. Обзор архивного фонда А. Е. Преснякова // АЕ за 1970. М., 1971. С. 307–314.

References

- Aristov, V. Yu. Aleksei Shakhmatov i rannee letopisanie [Alexey Shakhmatov and the Early Chronicles]. Kiev, 2018. 314, [1] p.
- Bugoslavskii, S. A. K voprosu o kharaktere i ob’eme literaturnoi deyatel’nosti prep. Nestora [On the Question of the Nature and Scope of the Literary Activity of the Rev. Nestor]. In *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. Petrograd, 1914. Vol. 19. Book 1. Pp. 131–186; Book 3. Pp. 153–191.
- Chirkov, S. V. Rabota A. E. Presnyakova po istoriografii russkogo letopisaniya [A. E. Presnyakov’s Work on the Historiography of Russian Chronicles]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1968 g.* Moscow, 1970. Pp. 416–432.
- Chirkov, S. V. Obzor arhivnogo fonda A. E. Presnyakova [Review of the archive fund of A. E. Presnyakov]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1970 g.* Moscow, 1971. Pp. 307 — 314. Konyavskaya, E. L. Letopis’ i svod: problemy terminologii [Letopis and Svod: The Problems of Terminology]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2019. No. 4. Pp. 27–33. DOI 10.31857/S086956870005869-6
- Kuz’min, A. G. Khronologiya Nachal’noi letopisi [Chronology of the Initial Chronicle]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9*. 1968. No. 6. Pp. 40–53.
- Kuz’min, A. G. Nachal’nye etapy drevnerusskogo letopisaniya [The Initial Stages of the Old Russian Chronicles]. Moscow, 1977. 406 p.
- Lur’e, Ya. S. O shakhmatovskoi metodike issledovaniya letopisnykh svodov [About Shakhmatov’s Method of Research of Chronicle Svods]. In *Istochnikovedenie otechestvennoi istorii*. 1975 g. Moscow, 1976. Pp. 97–107.
- Nikitin, O. V. Iz istorii Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly: novye materialy i republikatsii [From the History of the Moscow Linguistic School: New Materials and Republications]. In *Ottsy i deti Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly: Pamyati Vladimira Nikolaevicha Sidorova*. Moscow, 2004. Pp. 308–309.
- Nikitin, O. V. “Filologiya – eto nasha zhizn’” (maloizvestnye fakty iz biografii A. A. Shakhmatova) [“Philology is Our Life” (Little-known Facts from the Biography of A. A. Shakhmatov)]. In *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A. A. Shakhmatova*. Saint Petersburg, 2014. Pp. 196–197.
- Nikitin, O. V. Shakhmatov i ego “Vvedenie v kurs istorii russkogo yazyka” [Shakhmatov and His “Introduction to the History of the Russian Language”]. In *Akademik A. A. Shakhmatov: zhizn’, tvorchestvo, nauchnoe nasledie. Sbornik statei k 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo*. Saint Petersburg, 2015. Pp. 367–374.
- Nikitin, O. V. Ob istoricheskom znachenii moskovskoi lingvisticheskoi shkoly akademika F. F. Fortunatova i ego predshestvennikov [About the Historical Significance of the Moscow Linguistic School of Academician F. F. Fortunatov and His Predecessors]. In *Fortunatovskie chteniya v Karelii. Sbornik dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 10–12 sentyabrya 2018 g.* Petrozavodsk, 2018. Pp. 9–11.

- Poppe, A. V. Rodoslovnaya Mstishi Svenel'dicha [The Pedigree of Mstisha Sveneldich]. In *Letopisi i khroniki*. 1972. Moscow, 1974. Pp. 64–91.
- Presnyakov, A. E. Russkoe letopisanie. Istoriografiya i istoriya [Russian Chronicles. Historiography and History]. Moscow, 2017. 271 p., [1] l. of portr.
- Solov'ev, A. V. Byl li Vladimir Svyatoi pravnukom Svenel'da? [Was Vladimir the Saint the Great-grandson of Sveneld?]. In *Zapiski Russkogo nauchnogo instituta v Belgrade*. 1941. Issue 16–17. Pp. 37–64.
- Tolochko, A. P. Ocherki nachal'noi Rusi [Essays of Primary Russia]. Kiev; Saint Petersburg, 2015. 336 p.
- Vovina-Lebedeva, V. G. A. A. Shakhmatov-tekstolog i "russkie mladogrammatiki" [A. A. Shakhmatov – a Textual Critic and "Russian Young Grammarians"]. In *Otechestvennaya istoriya i istoricheskaya mysl' v Rossii XIX–XX vekov. Sbornik statei k 75-letiyu Alekseya Nikolaevicha Tsamutali*. Saint Petersburg, 2006. Pp. 76–89.
- Vovina-Lebedeva, V. G. Shkoly issledovaniya russkikh letopisei: XIX–XX vv. [Schools of Research of Russian Chronicles: 19th – 20th Centuries]. Saint Petersburg, 2011. 926, [1] p.
- Vovina-Lebedeva, V. G. K. Lakhman i A. A. Shakhmatov [G. K. Lakhman and A. A. Shakhmatov]. In *Canadian-American Slavic Studies*. 2016. Vol. 50. Pp. 25–40.
- Vovina-Lebedeva, V. G. Ugasshii mir drevnerusskikh letopisei: vzglyad segodnya [The Extinct World of Ancient Russian Chronicles: A Look Today]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2019. No. 4. Pp. 3–27. DOI 0.31857/S086956870005846-1
- Vovina-Lebedeva, V. G., Paneyakh, V. M. Yakov Solomonovich Lur'e – istochnikoved [Yakov Solomonovich Lurie – a Source Specialist]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Saint Petersburg, 1998. Vol. 26. Pp. 345–354.

Varvara G. Vovina-Lebedeva

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

ONE HUNDRED YEARS AFTER SHAKHMATOV
(ABOUT THE BOOK BY V. YU. ARISTOV "ALEXEY SHAKHMATOV AND EARLY CHRONICLES")

The article analyzes the book by V. Yu. Aristov "Alexey Shakhmatov and Early Chronicles" (Kiev, 2018). The book draws conclusions that the features of A. A. Shakhmatov as a researcher were based only on the works about early chronicles; the sources of the work are insufficient and there is no any criticism of the sources; the author aims exceptionally at looking for weak points in A. A. Shakhmatov's works; the linguistic training and experience of A. A. Shakhmatov is not taken into account; without serious proofs A. A. Shakhmatov is accused of appropriating the ideas of his predecessors; all subsequent specialists who studied the annals are accused of creating the "cult of A. A. Shakhmatov"; the text contains inadmissible and unethical statements about A. A. Shakhmatov and his successors.

Keywords: A. A. Shakhmatov, V. Yu. Aristov, historiography of chronicles, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, the Tale of Bygone Years, Nestor